

УДК 008.001
ББК 71.0
DOI: 10.46726/Н.2021.1.13

Л. Д. Петряков

ОНТОЛОГИЯ В СМЫСЛОВЫХ ИМЕНАХ МЕСТ И ИНСТИТУТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются концепты культуры, созданные в классическую эпоху, такие как: «время», «прогресс», «современность с её проблемами», которые прочно вошли в наш повседневный язык. Показано, что они во многом определяют мышление, позволяя эффективно действовать в типичных ситуациях. Раскрыта их амбивалентность в ситуациях, требующих нестандартного мышления, когда они же препятствуют нашему успеху. Отмечено, что в глобализирующемся мире люди часто переезжают, приспосабливаясь к новым местам, стремятся их обжить. Сделан вывод о том, что в этом экзистенциальном движении теряется чувство дома, комфорта, ощущаются отчуждённость от мира и одиночество. Преодоление этой ситуации автор видит в переосмыслении самой категории «место», в её наполнении философским и культурным смыслом.

Ключевые слова: время, место, пространство, дискурс, ново-европейская культура, русская культура, смысловые имена собственные.

L. D. Petryakov

ONTOLOGY IN SEMANTIC NAMES OF PLACES AND INSTITUTIONS: PROBLEM STATEMENT

The article examines the concepts of culture, created in the classical era, such as: “time”, “progress”, “modernity with its problems”, which have firmly entered our everyday language. It is shown that they largely determine our thinking, allowing to act effectively in typical situations. Their ambivalence is revealed in situations requiring out-of-the-box thinking, when they also hinder our success. It is noted that in a globalizing world people often move, adapting to new places, striving to settle them down. The conclusion is made that in this existential movement the feeling of home and comfort is lost, alienation from the world and loneliness are felt. The author sees rethinking of the category “place” as a way of overcoming this situation, filling it with a philosophical and cultural meaning.

Key words: time, place, space, discourse, European culture, local and global.

Новоевропейскую философию и унаследовавшую её онтологический язык культуру, для которых характерна категория «время», принято называть «современной», в отличие от «древней», даже если речь в ней идёт о вечном. Категория «время» подразумевает линейность, направленность, эволюцию, прогресс, историю. Хотя само время в культуре определяется относительно вечности, повторяется в «вечном возвращении» Ф. Ницше, циклично в античности и т. д.

© Петряков Л. Д., 2021

Соединяет и одновременно противопоставляет время — бытию (существованию как таковому) и, в частности, месту, М. Хайдеггер [11]. Цикличность истории, в свою очередь может быть обоснована научно доказанной цикличностью экономики, но тем не менее представления о линейности в истории преобладают как в научном, так и в обыденном сознании. Хотя, как писали философы постмодерна, современная история должна получить не временное, а пространственное измерение.

Об онтологии места и пространства в абсолютном смысле пишет А. Левинтов [3], выделяя такие категории как пустота, ареал, граница ареала, место, географическое пространство. Пространство в абсолютном смысле приобретает кантианско-эйнштейновский смысл, т. е. становится относительным времени, подобным ему, релятивистским. С другой стороны, о пространстве в его социально-географической конкретике пишет Г. Гачев [2]. «Места» для него различаются по национально-культурным особенностям живущих в них народов. Нас же интересует онтология гражданских мест, поименованных культурой, социально и оценочно размеченных, благодаря чему мы можем наблюдать различное поведение одних и тех же людей в разных местах.

В одном месте мы чувствуем себя хорошо, а в другом — плохо, один и тот же человек в одном месте поступает так, а в другом — иначе. Мы совершаем поступки по отношению к пространству: путешествуем, торопимся на работу, бежим от проблем, ищем место для жизни, осваиваем космос, обживаемся в новом доме. Первый вопрос пространства — ГДЕ? Хотя каждое место неповторимо и может быть прекрасно, есть много похожих мест: лес, поле, река, но без имени они чужие для нас. Мы называем места по имени тех людей, что живут там: в Ярославле живут ярославцы, а основал город — Ярослав Мудрый. А, к примеру, в Финляндии живут финны. Финская онтология места [1] предполагает три онтологических категории: дом, сад и лес. Дом — «царство» человека, хозяина. Здесь всё подчинено его воле — в доме порядок и чистота, защита. Лес — пространство природы, где «хозяин» медведь, а человек — случайный гость, добытчик. Сад — промежуточная категория: человек сажает сад, пропалывает сорняки, но урожай зависит не только от него, но и природы. Как и дерево в саду будет неравноценно для хозяина такому же дереву в лесу. В категории «сад» встречаются Восток с метафорой рождения/недеяния и Запад с метафорой творения/творчества (активности человека). Это также ареальный подход к культурному пространству.

Исследовательские вопросы: почему в русской бытовой культуре до сих пор имеет хождение пословица: «хорошо там, где нас нет»? Почему огромные пространства не только Сибири, но и Нечерноземья, в своих дальних и не очень уголках воспринимаются россиянами как чужие, то есть несчастные, несчастливые, несущие негативную оценку даже в своём имени, таком, к примеру, как Горе-грязь? Почему общественные институты, различающиеся своей функцией, не имеют в русской культуре собственных смысловых имён, кроме формально-бюрократических?

Гипотеза: в русской культуре существует парадоксальное отчуждение людей от родных для них мест, выраженное и в песенной культуре: «а она мне нравится, хоть и не красавица». Неустроенность, заброшенность в хозяйственном (а не только в экзистенциальном) смысле множества мест, отдалённых от крупных городов, вызывает эффект «чужая малая Родина», родина, которую нужно покинуть, чтобы обрести свой большой Дом, своё место

в Мире, «выйти в Люди» и т. д. С другой стороны, гражданские, государственные институты, перенесённые и перенятые Россией от Европы, не поняты, не освоены до конца в их предназначении нашей культурой. Они также не имеют собственных смысловых имён, следовательно, существуют «поверх» культуры, вне её «внутренней формы». Следовательно, функции, предназначение этих институтов могут истолковываться культурой превратно (наши пословицы о законах). А институт, не «укоренённый» в культуре, будет также чужим для неё, поверхностным, не будет работать так, как должен и не будет вызывать уважения к себе и власти. Историческим примером культурного освоения (а не только поиска ближайшего исторического аналога) было переименование (вместе с сущностным изменением) парламента Франции в конце XVIII века с «Генеральных штатов» на «Национальное собрание», что сделало его настоящим выразителем воли французского народа, то есть позволило выполнять основную функцию.

Место как и социальный институт входят в культуру с помощью своего имени. Философия имени (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский [6], А. Ф. Лосев [7]) начала XX века решала эту проблему, опираясь на реализм — связь имени и сущности, функции, предназначения предмета. Основание этой традиции философы видели в платонизме, неоплатонизме, средневековой философии. Актуальность проблеме придаёт переходность эпохи: фэйковые (фальшивые) новости, переименования улиц, появление новых учреждений, снос старых памятников и установка новых, происходящие в разных странах мира. Все они имплицитно ставят вопрос о необходимости переосмысления реальности и места человека в ней. Похожие процессы, но в гораздо больших масштабах происходили в Советской России 100 лет назад. Ценность решения: освоение пространства с помощью имён в том, что смысловое имя «говорит само за себя». Оно существует вне интерпретации, а следовательно, не может лгать [4].

Ещё Платон [9] считал очень важным называть кошку — кошкой, (и далее: войну — войной, а человека — человеком. — *Л. П.*). Реализм, исихазм, имяславие, философия имени пытались пройти этим путём и обосновать новую классику в философии, т. е. непосредственное единство Слова и Дела, Бога, Человека, Мира и их всеединство в мировоззрении, картине мира [6]. Но мировая философская мысль развивалась иначе. Античные философы учили нас различать и не смешивать мнение и знание, как разные степени одной истины о мире. Есть сильные и слабые утверждения, если знание — «ясное и отчётливое», то мнение будет смутным и обманчивым. Мнение, миф, дискурс как сумма мнений — противоположны знанию, хотя могут и не противоречить ему по сути. А мысль о равноправии интерпретаций и «альтернативных фактах» показалась бы античным философам возрождением софистики во всемирном масштабе. Средневековые школы реализма и номинализма, по сути, говорили об одном и том же, но с разных начальных позиций: реализм наделял сущностью только общие имена, тогда как номинализм — только конкретные. Если убрать это ограничение и представить сущность как сему (смысловой неделимый атом), то станет возможно единство этих подходов, без вынужденного компромисса между ними — концептуализма, открывшего «ящик Пандоры» интерпретаций и смысловых слоёв. Хотя и концептуализм, рассмотренный не только как аналитика, но и в аспекте синтеза смыслового единства, мог бы подкреплять реалистический подход к миру. Завершением проблемы универсалий можно считать парадокс

Б. Рассела «множество всех множеств»: разделить формальные имена и имена реальных предметов «до конца» невозможно: к примеру, «дом на набережной» для большинства россиян будет общим понятием, а для москвичей — единичным культурно-историческим концептом. И. Кант обосновал достоверность знания о мире как единство чувственно-конкретного с априорным «знанием о знании», основанном на способностях и опыте человечества. Способствовать этому может смысловое имя.

Содержание поведения людей, определяется не только местом, но и временем, т. е. проблемой, которую они решают. Проблема формирует дискурс — набор мнений, суждений здравого смысла, возможных решений данной проблемы. Человек, столкнувшись с конкретной проблемой, как правило, знает, «что делать?», но не делает этого в силу привычки, сформированной культурой. Чтобы отбросить привычку и начать действовать, необходимо перейти от мнимой, фэйковой реальности дискурсов к объективной (интерсубъективной) реальности смысла. Как говорится в шуточной поговорке, «не дом красит человека, а человек красит дом». Чтобы исчезли или стали исторической метафорой такие названия мест, как «Горе-грязь», нужно уважать себя, живущего в этом месте, а не пребывающего в пустоте «вечных проблем» и недостижимых сакрализованных идеалов. Дискурс — как правило, пустое, «общее место» в культуре. Но при этом в качестве «актуальной повестки дня» он может занимать непропорционально большое место в коммуникативных отношениях между людьми [10]. Он маркирует общение, отличая «своих» от «чужих», сплывает «своих», изгоняя «чужаков», зовёт на «подвиги», состоящие, порой, в стремлении убивать носителей другого дискурса. Взаимодействуя с дискурсом, важно различать актуальность и конъюнктуру: актуально знать то, что может случиться, если не вмешаться в ситуацию, даже если такое вмешательство опасно для тебя. Тогда как конъюнктура это всегда безопасное и даже приятное согласие с «общим мнением» по вопросу, не затрагивающему твоих жизненных интересов [8].

В мире интерпретаций слово формально, оно может означать всё, что угодно и становится инструментом обмана. Тогда как смысл вынужден «прятаться» за контекст, распознаваться через невербальные знаки и т. д. «Не говори ничего!», — так говорят люди, когда перестают верить словам. Такие механизмы распознавания одного и того же смысла, как ассоциации, единство образа, восприятие, понимание идеи, способны восстановить интерсубъективное единство реальности не приводя к догматизму «единственно верного» представления о ней. Интерпретации — не есть истины, устанавливаемые произволом, это мнения, т. е. гипотезы о мире и его явлениях, которые могут быть доказаны или опровергнуты. Следует различать легитимную и нелегитимную интерпретации: первая — иной путь к достоверному знанию о предметном мире (подобно тому, как естественные науки, каждая по-своему, открывают нам знание о разных аспектах одной природы). Нелегитимная интерпретация — основанная на вторичной онтологизации фундаментальных понятий, то есть оторванная от реальности предметного знания, переходящая от одного недоказанного утверждения к другому. Такой ход мысли приводит к сакрализации мировоззрения, превращению набора предпосылок познания — в набор псевдорелигиозных догм.

В гуманитарных науках и обыденной жизни человек имеет право и свободу высказывать своё мнение, интерпретировать реальность, но он не имеет права на подмену доказанного знания о реальности — ложью и мифом

о ней. Есть различие между выражениями: «говорить» и «говорить серьёзно» (говорить под присягой), «утверждать нечто» и «утверждать нечто с достоверностью». Кроме своей идеи, каждое утверждение имеет следствие, которое может быть созидательным, развивающим человека и разрушительным для него, препятствующим познанию, раскрытию способностей, закрывающим перспективы личного и социального роста. Это неравноценные утверждения и, было бы справедливым считать первые, «утверждения человеческого созидания» истинными, а вторые — ложными.

Говоря о генеалогии имён, к примеру, географических мест, следует вспомнить имена их первооткрывателей, делавших чужое (новое для данной культуры) место «своим», близким и понятным. Старое, местное имя, данное аборигенами, как правило, забывалось. Нередко этот процесс сопровождался прославлением королей, спонсоров, писателей и учёных. Это процесс можно назвать «первичным присвоением» пространства. Здесь возникает связь между местом и человеком, давшим ему имя. Рефлексивно, имена малых населённых пунктов давались людьми, жившими в других, соседних деревнях и посёлках. Новый населённый пункт называли по имени (прозвищу) яркого человека, жившего в этом месте. Здесь можно проследить последовательность обретения смыслового имени: от абстрактных: «Новое», «Старое», «Высоково» к конкретным: «Лопатино», «Кирсаново», «Абрамцево», закрепляющее в памяти имена успешных людей, преобразивших, обустроивших эти места. Аналогично, от безличных имён «Зима», «Счастье», именуемая мысль переходит к личным.

Далее возникает спор, конфликт личных имён: «кто более для матери истории ценен?», поскольку за долгую историю от сотен до тысяч лет, в одном месте жили десятки известных людей. С чьим именем связать данное место? Череда переименований кажется нам неправильной: Рыбинск — Щёлково — Андропов — Рыбинск, вызывает насмешки и анекдоты. Наиболее приемлемым кажется именование места не по принципу древности или политической конъюнктуры, а по возможности вступить в диалог с известным человеком, жившим в данном месте. Пушкин, Лермонтов, Ломоносов, Чайковский, Толстой, Репин дают нам возможность увидеть это место их глазами, придти к ним в гости и понять, почему их дом — это наш дом. Знание их произведений, диалог с автором, встреча прошлого и настоящего объединяют людей, как жителей так и гостей этих мест. Отсюда следует право жителей на «исправление имён» — переименование мест. Развитие культуры требует переосмысления прошлого, к которому нельзя относиться равнодушно и формально.

Русская культура, мировоззрение несут в себе многие черты Средневековья. В частности, воспринимает искусство как праздник, развлечение, отдых. Отсюда естественным кажется восприятие искусственной, реальности как идеала, который по определению не может быть «плохим», мрачным, предсказывающим недоброе. А то, что смысл этого идеала производится непосредственно в речи, то, что этот смысл оторван от фактов и жизни, выражает сам себя, является субъективно заинтересованным или формальным и т. д., не столь существенно для воспринимающего его человека. В частности, имена мест нередко дают такую характеристику места, которая либо отрицает его материальность, либо сужает её до имени храма, там построенного. Отсюда — множество одинаковых имён сотен и тысяч разных населённых мест. Отличить одно из них от других можно только по географическому

контексту: району-области-республике. Персонализация имён этих мест, определение их идентичности самим себе — необходимый элемент персонализации каждого человека, там живущего, а далее — идентичности народа и страны. Становление личности человека невозможно без уважения к предкам, создавшим славу этих мест и сделавших себя — уважаемыми людьми. Хотя с помощью имён невозможно персонафицировать каждого человека, но сама возможность сделать это для многих будет стимулировать развитие личности и культуры. Можно, к примеру, дать личные имена улицам с названиями «б-я Овражная», «3-я Жилая», а когда закончатся улицы, давать имена домам, где жили достойные люди. Такой подход называют «имяславие вещей» [6].

Какие имена социальных институтов можно выделить в нашей жизни? Устойчивые выражения русского языка фиксируют нам: общественное место, рабочее место, место отдыха, сакральное место. Но «общественное место» определяется только в гражданском праве и так, что им является всё, кроме семейного очага. В таком контексте лесоруб, уронивший топор себе на ногу, должен оглядываться — «нет ли рядом полиции?», прежде чем выразить словесно своё эмоциональное состояние. Как, к примеру, называется у нас место диалога, общения: завалинка, беседа, вече, кухня, социальная сеть? Имя места должно придавать человеку силы для жизни в этом месте, а не отнимать их, так утверждает метафора «места силы». Соответственно, то, о чём говорят «в кулуарах» всегда более откровенно и честно, чем то, что принято говорить на публике.

Качество места определяется тем, что происходит или что совершает человек в этом месте: война, тюрьма, кладбище и торговая площадь всегда накладывают свою специфику на поведение людей. Человек поддается «магии места». Рассмотрим некоторые места более подробно: общественное место это транспорт, парки и улицы, там общественное, оставаясь социальным, сближается с личным, к примеру, местом отдыха. С другой стороны, место, увиденное в фильме или прочитанное в книге, может стать настолько родным и близким, что будет притягивать к себе в реальности. Станет «родиной души».

Исторической метафорой места именовался и социальный институт, как место «присутствия» ответственных людей, собравшихся (в месте и совместно) для решения важной для всего общества задачи. Смысловые имена различных канцелярий и органов власти должны не только нести прямую функциональную нагрузку типа: «Следственный комитет — комитет для проведения следствия», но и результативную, соответствующую целевому предназначению. То есть рассматриваться как место, где решают проблемы людей, без различия этих людей. Сегодня едва ли не любая «контора» может быть «местом жалоб», где бессильный жалуется сильному на слабосильного и, при некотором усилии, может рассчитывать на справедливость. В худшем случае это место господства, «Олимп», где не человек спрашивает у власти «за что?», а власть спрашивает его «кто ты?», чтобы решить самой, «что делать с тобой дальше?».

Аналогично требуют именования места преступлений, известных и массовых. Такое место — это дистанция, отделяющая мир честных, хотя и ошибающихся людей, от мира людей, намеренно нарушающих общественный порядок: убийц, грабителей, насильников. С одной стороны, мы чувствуем себя «не по себе», испытываем страх, оказываясь на месте преступления, с другой — это место приобретает для нас сакральный характер: всем известны «храмы “на крови”». Но и отмечать эти места одинаковыми крестами

и часовнями — означает откупаться от прошлого, получать моральную индульгенцию и забывать. Помним ли мы, как следует поступать, чтобы не оказаться жертвой или преступником? Как не сделать любое иное место — местом преступления? Мы, как правило, не связываем и не противопоставляем место преступления — месту подвига: «город-герой», «крепость-герой», не связываем героев-людей с местами их подвигов. Хотя подвиг, как правило, это преодоление злой воли преступника в конкретном месте и времени.

Особого имени требует сакральное место, место тишины, молитвы или торжества: церковь, ЗАГС, кладбище, музей, проявляющее безусловную власть над людьми. А также место диалога, общения людей — «площадь для вече». Ж. Делёз [3] определял народ как «людей собравшихся на площадь». Площадь не может быть ни пошлой, ни сакральной. Хотя на ней люди могут умирать за свои убеждения. Там формируется и обсуждается мнение, которое может стать практическим правилом для всех, законом, но когда изменится практика, должен измениться и закон, её регулирующий.

Все эти и другие, важные для человека места и институты должны получить собственные смысловые имена, должны быть освоены культурой, чтобы соединить природу, культуру и человеческое сознание в гармоничное и конкретное единство. Представить, как хотел И. Кант, мир виртуальный в качестве цели для мира реального, таким образом разрешив конфликт между дискурсом и «реализмом» реальности, соединив их как должное и сущее, как красоту, становящуюся добром. Только такая красота может «спасти мир», а не погубить его. «Всюду быть дома» — цель философии, которую ставил перед ней М. Хайдеггер [11], достижима только в том случае, когда ты всюду поступаешь так же, как поступил бы будучи дома, с родными тебе людьми. Дом — место, где действуют законы цивилизации, где уважают жизнь, здоровье, имущество и волю каждого человека. «Цезарь всюду дома» — говорили древние римляне. Сегодня многие люди лишены этой возможности, изгнаны из своих домов. Как им вернуться туда? Как найти свой дом в новом месте? Один из главных трудов Платона, переведённый в Российской империи как «Государство», назывался «Полития», т. е. «горожанство», «город горожан», в латинском переводе называется «Республика», метафорически: «Rex publica» — Царь публика, государство граждан или социальное государство. Его строительство и есть цель современной философии, стремящейся дать нам новый «дом».

Мы входим в дом через парадный вход, проходим в гостиную, говорим о погоде и очень осторожно обсуждаем вопросы, затрагивающие чувства хозяев: болезни детей, смерть близких родственников, недостатки и особенности чужого характера. Мы сопереживаем и сочувствуем им. Мы делаем так потому, что стремимся сохранить отношения с этими людьми. Эти люди дороги для нас независимо от того, какие недостатки или досадные привычки они имеют. Может быть, потому, что мы любим их? Может быть, потому, что они любят нас? Это для нас сокрыто. Мы можем обсуждать их недостатки только вдали от них, в самой близкой семейной обстановке. И к каким бы выводам мы не пришли, мы всегда будем защищать своих друзей от агрессии внешнего мира, будем мирить их между собой, если среди них возникнет ссора. И если таково наше обычное отношение к людям, поскольку к числу друзей мы можем присоединять соседей, коллег по работе, случайных знакомых, то откуда берутся наши враги? Называя людей, социальные институты и различные места своими именами, мы выражаем им уважение, признаём своё и чужое достоинство и человечность.

Список литературы

1. *Ваден Т.* Что такое локальное мышление (Может ли существовать финская философия?) // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 1. С. 88—103.
2. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
3. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
4. *Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
5. *Левинтов А.* Онтология и язык пространства. URL: <http://ontology.mirtesen.ru/blog/43600159334/Aleksandr-Levintov--Ontologiya-i-yazyik-prostranstva> (дата обращения: 13.01.2021).
6. *Нижников Н. А.* Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Ч. 1: Имяславие П. А. Флоренского // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 64—71.
7. *Нижников Н. А.* Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Ч. 2: Имяславие А. Ф. Лосева // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 56—65.
8. *Петряков Л. Д.* Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологические и гносеологические аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014. 350 с.
9. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
10. *Филлипс Л., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

УДК 1:37

ББК 74в

DOI: 10.46726/Н.2021.1.14

*Е. В. Палей***АКСИОПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ**

В статье рассматривается несколько актуальных аспектов гуманитаризации естественнонаучного и технического образования, связанных с включением в процесс обучения явных и неявных ценностных установок. Указывается на негативный характер дефицита гуманитарных ценностей в рамках технического образования. Подчеркивается, что неявные ценностные установки обладают особой эффективностью, соответствуют современным практическим запросам и связаны с профессиональными компетенциями выпускников. Они формируют исследовательское отношение к опыту, критерии оценки профессиональной деятельности, социальную ответственность и значимые навыки сотрудничества.

Ключевые слова: гуманитаризация, аксиопространство образования, ценностные установки, естественнонаучное и техническое образование, подготовка технических специалистов.

© Палей Е. В., 2021

• Серия «Гуманитарные науки»